

АНАТОЛИЙ ИВАНЬКО

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Совершенно очевидно, что война началась бы и протекала совершенно иначе, если бы гитлеровская армия была остановлена на территории приграничных округов.

Быстрое продвижение германских армий, захват ими стратегической инициативы, господство в воздухе в огромной степени затруднили сосредоточение и развёртывание советских войск, что неминуемо привело к серии поражений в начальный период войны.

Почему это произошло? Было ли такое положение дел на фронте лишь результатом “внезапности” нападения гитлеровцев, или причины этого нужно искать глубже, внутри страны, внутри той системы в руководстве страной и, как следствие, в руководстве вооружёнными силами накануне вторжения.

Анализ предвоенного хода событий и действий советского военно-политического руководства непосредственно перед войной убеждает нас в том, что такие предпосылки имели место.

Начало Великой Отечественной войны для Советского Союза, что бы там ни говорили, было неожиданным. Общеизвестно, что Сталину доносили о планах нападения Гитлера. Упорное нежелание главнокомандующего СССР внимать этим предупреждениям объяснялось отнюдь не слепой верой в нерушимость договора с Германией. Беда в том, что таких донесений было слишком много. Со слишком разными датами. И это неудивительно, ведь сам Гитлер несколько раз менял дату наступления. Не исключено, что вмешался и психологический фактор. Как в известной сказке о пастушке, который слишком часто кричал: “Волки!”

Но были и более существенные причины. Гитлер сделал всё возможное, чтобы убедить мировую общественность в том, что он собирает все силы для решительного удара по Великобритании. Ему поверил не только Сталин. Черчилль признаёт в своих мемуарах, что Англия ожидала удара и не верила в возможность открытия Восточного фронта при наличии действующего фронта в Европе.

На самом деле цель фюрера перед войной была заставить СССР или атаковать, или, что более вероятно, объявить всеобщую мобилизацию в ответ на ложные сообщения о войне.

Это, в свою очередь, давало бы немцам законный повод нанести превентивный удар — полная мобилизация приравнивается к объявлению войны. В таком случае Советский Союз выглядел бы агрессором, что автоматически означало бы, что войну СССР должна объявить Япония — союзник Германии,

связанная с ней оборонительным пактом. Именно поэтому Москва тянула с открытием ответного огня в первые часы и дни вторжения, что позволило немцам беспрепятственно выполнять задачи овладения территориями и инфраструктурой приграничных округов с последующим окружением крупных масс войск и их пленением.

Сказалась и неверная оценка отечественных экономистов энергетических запасов Германии: "... Из-за недостатка нефти война Германии против СССР сама по себе заглохнет", — считали они.

2. Свою роль сыграла и чрезмерная вера в договор с Гитлером, который отзывался о нём так: "Договоры могут заключаться только между партнёрами, стоящими на одной мировоззренческой платформе... Политическое сотрудничество Германии с Россией неприятно задевает остальной мир, и это обстоятельство исправить может лишь война".

На самом деле, договор о ненападении в связи с его чрезмерно положительной трактовкой привёл к тому, что Сталин, не доверяя всей информации относительно подготовки Германии к войне с СССР, продолжал верить Гитлеру, связывая военные приготовления с "происками" военщины, отдельные представители которой, хорошо знающие Россию, пытались отговорить фюрера от этой авантюры. Этими военными были Шуленбург, Кёстринг, Кребс. Посол в Германии Деканозов и последний советский военный атташе в Берлине генерал Тупилов информировали Сталина о личности Гитлера как инициатора похода на СССР, но Сталин остался при своём мнении.

Сам договор содержал в себе ряд бесспорных положительных моментов. Однако с экономической точки зрения, он превратил СССР для Германии — будущего агрессора — в поставщика стратегического сырья и продовольствия.

В военном отношении договор привёл к тому, что вместо объективной оценки немецких войск и их количества имела место недооценка сил Вермахта у границ с СССР, а также упущения разведки в оценке готовности группы армий "Центр" к нанесению главного удара по территории СССР.

Важной предпосылкой следует считать и то, что уроки конфликтов с финнами и японцами учтены не были, хотя именно по результатам войны с финнами фюрер убедился в реальности "блицкрига против СССР как "колосса на глиняных ногах". Поэтому и появился тезис о том, что Россию можно сокрушить либо отбросить русских за Волгу, к Уралу в ходе "молниеносной войны", до начала зимы.

Военно-политическое руководство СССР напрочь забыло о том, что для победы нужны не только соответствующие силы и средства. Необходимо ещё и умение их применять — нужна современная военная теория, надо, чтобы войска были обучены в духе этой теории, нужны командные кадры, способные управлять войсками по-современному. К сожалению, у нас к началу войны ничего этого не имелось.

Вопреки указанию Ленина о том, что "... государство сильно тогда, когда массы всё знают, обо всём могут судить и идут на всё сознательно" (Ленин, Второй Всероссийский съезд Советов. Соч., т. XXII. С. 18-19), жизнь в стране проходила под жёсткой партийной и государственной цензурой. Засекречивалось всё и вся. Всё это сковывало инициативу от самого верха до мелких военных ячеек.

ВОЙСКА КРАСНОЙ АРМИИ, лишённые в результате репрессий 30-х годов опытных командиров, ВСТУПИЛИ В ВОЙНУ ВО ГЛАВЕ С ЛЮДЬМИ, СЛАБО ПОДГОТОВЛЕННЫМИ К КОМАНДОВАНИЮ, а нередко и вовсе к нему неподготовленными. При этом войска представления не имели о ведении боевых действий по-современному. Хуже того, ОНИ НЕ СЛЫШАЛИ ДАЖЕ О НОВЫХ СПОСОБАХ ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЫ.

Это явствует из Записки наркома госбезопасности СССР Меркулова Сталину, Молотову и Берии, поданной за неделю до гитлеровского вторжения:

"Основная беда СССР с военной точки зрения заключается в полном отсутствии способных офицеров. Мировая история, пожалуй, не знает другого примера такого негодного руководства военными операциями, какой имел место, например, во время войны Советского Союза с Финляндией. И если всё же Советский Союз победил наконец, то в этом нет военной заслуги. Просто бросали так много стали на каждый квадратный километр, что сломали всё, в то время как противнику в конце войны нечем было стрелять. С Германией такой маневр неприменим, там хватит, чем ответить".

В 1941 году лишь у очень немногих офицеров и солдат был непосредственный опыт участия в войне; при этом среди них было много новых людей, только недавно подготовленных для “замены” тысяч офицеров, ставших жертвами репрессий 1937–1938 годов. Хотя в августе 1940 года был вновь введён принцип единоначалия путём упразднения военных комиссаров, отношения между многими командирами и политработниками оставались не очень хорошими, хотя в июле 1940 года 54% офицеров были членами или кандидатами партии, а 22% — комсомольцами.

Не случайно адмирал Кузнецов дал такую характеристику ситуации на начальный период войны: “...Наличие огромных армий, многочисленной техники разбилось об отсутствие чёткого руководства и согласованных действий между армией, авиацией и флотом”.

Военная традиция РККА основывалась на шаблоне, копировании устаревших тактических принципов Первой мировой: наступление густой цепью, ориентированное заранее на возможность неограниченно жертвовать жизнями собственных солдат.

Отвергалось всё новое, передовое в военной науке, а важные положения, такие как оборона и переход к ней в виде оперативного отхода, вообще не изучались и были выброшены из боевой подготовки.

Здесь следует упомянуть 40-минутное выступление Сталина перед выпуском слушателей академии Красной армии, которое состоялось 5 мая 1941 года в Кремле. (Кстати, вести его запись было строго запрещено.) Из речи Иосифа Виссарионовича, традиционно насыщенной ленинскими цитатами, следовало, что Германия — основной противник Советского Союза. И среди прочих его реплик на последовавшем приёме была следующая: “Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная”. Это была ошибка Сталина, который недооценил степень лизоблюдства в РККА, достигшего своего апогея в предвоенные годы, в результате чего его слова были восприняты как руководство к действию, а не как предупреждение к мобилизации военнослужащих на достижение победы в том числе с помощью стремительных наступательных действий.

Психологически ни народ, ни армия не были подготовленными к германскому вторжению в 1941 года.

Уповая на договор, армия была буквально поражена шапкозакидательством, начиная от ГШ и до самого низа. Генеральный штаб СССР исходил из предположения, что войска будут полностью укомплектованы за те несколько дней, которые пройдут между мобилизацией и фактическим началом военных действий. Неготовность Генштаба к войне проявилась уже в первые её минуты. Об этом свидетельствует его директива №3 от 22 июня за подписями Тимошенко, Жукова и Маленкова, предписывающая контрудар, а не оборону... Не была создана оперативная и тактическая группировка сил для отражения вражеского удара.

Вся организация обороны государственной границы исходила из предположения, что внезапное нападение противника исключено, что решительному наступлению с его стороны будет предшествовать либо объявление войны, либо фактическое начало военных действий ограниченными силами.

Что же касается вторжения немцев в Польшу и во Францию, то в Красной армии существовала тенденция воображать, будто “у нас этого не может произойти” — по крайней мере на широком фронте.

Этот безответственный оптимизм нашёл своё отражение в политико-воспитательной работе в Красной армии в 1940–1941 годов. Под влиянием советско-германского пакта антинацистская пропаганда была почти сведена на нет. Не делалось ровно ничего, чтобы дать понять, что наиболее вероятным противником России в будущей войне является Германия. Значительная часть пропаганды как в армии, так и среди советского народа в целом была в 1940-м и даже в 1941 году проникнута в высшей степени инфантильным стремлением принимать желаемое за действительное.

Некоторые авторы считали, что при первых выстрелах войны любое империалистическое государство немедленно развалится. Они не придавали значения тем большим усилиям, которые предпринимались в фашистских странах для одурманивания народных масс, террористической расправы

с непокорными, для создания личной материальной заинтересованности солдат и офицеров, а также их семей в военном грабеже.

Всё это привело к тому, что:

- были ликвидированы УРы вдоль старой госграницы (до пакта Молотова-Риббентропа);

- боевая подготовка сводилась к отработке всех видов наступления. Обороне уделялось очень мало учебного времени на всех уровнях подготовки командных кадров и войск;

- вместо напряжённой боевой подготовки – бесконечные партийные и комсомольские собрания, заканчивающиеся заверениями типа: “Ни пяди своей земли не отдадим!”, “На удар ответим двойным и тройным ударом!”, “Воевать – на чужой территории!”, “Воевать – малой кровью!”;

- не учитывались мнения заслуженных военных теоретиков, например, Иссерсона о том, что оперативной паузы для отмобилизования в будущей войне может не быть, а с учётом польских событий нападение может быть внезапным;

- вследствие пресловутого лозунга “Разгромим врага малой кровью на его территории” армейские магазины и мобилизационные запасы ЮЗО и КО-ВО были сосредоточены непосредственно у границы, что привело к захвату их в первые часы и дни войны немцами. По заявлению начальника тыла и транспорта Г. П. Пастуховского, было потеряно 10 артскладов (25 тысяч вагонов боеприпасов – 30% всего боезапаса), 25 складов и баз, где хранилось более 50 тысяч тонн горючего;

- именно в соответствии с данной военной концепцией не были подготовлены к взрывам мосты через пограничные реки Буг, Нарев, Сан, да и Днепр у Смоленска.

Важной предпосылкой являлось то, что Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая реальную опасность агрессии со стороны империалистической Японии, в течение почти всей войны была вынуждена держать на Дальнем Востоке от 32 до 59 расчётных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО – общей численностью свыше 1 млн солдат и офицеров, 8–16 тысяч орудий и миномётов, свыше 2 тысяч танков и САУ, от 3 до 4 тысяч боевых самолётов и более 100 боевых кораблей основных классов. В разные периоды войны это составляло от 15 до 30 процентов боевых сил и средств всех Советских Вооружённых Сил. Огромные финансовые и материальные ресурсы были направлены на обустройство инфраструктуры Дальнего Востока для отпора агрессии и не пошли на создание инфраструктуры на западных границах.

В статье в правонационалистической газете “Санкэй симбун” профессор университета в префектуре Ниигата Сигэки Хакамада, обвиняя Москву в “переписывании истории”, заявляет: “Россия винит империалистическую Японию в том, что она заключила союз с нацистской Германией, в результате чего пострадал СССР. Однако Япония до последнего соблюдала условия Пакта о нейтралитете, заключённого с СССР, даже во время войны между Германией и СССР. Это стало одной из причин, по которым Советский Союз одержал победу над Германией. Именно СССР нарушил пакт, напал на Японию и расширил свои территории, проигнорировав Атлантическую хартию”.

Жалко, что этот дипломированный учёный не знает того факта, что уже 22 июня 1941 года, в день начала гитлеровской агрессии против СССР, лишь два месяца назад подписавший Советско-японский пакт о нейтралитете министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока, примчавшись в императорский дворец, горячо уговаривал микадо немедленно напасть на Советский Союз. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от запланированного выступления на юге, министр ответил, что “сначала нужно напасть на Россию”, что Япония должна совместно с Германией сокрушить Советский Союз. Для этого предлагалось несколько отсрочить выступление на юге. “Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигрёнка. Нужно решиться”, – убеждал министр.

На самом деле японцы по согласованию с Берлином продолжали сознательно нагнетать напряжённость на дальневосточных рубежах нашей страны. В годы войны число их вооружённых вылазок, несмотря на наличие пакта о нейтралитете, возросло. В общей сложности части и соединения Квантунской армии за годы войны 779 раз нарушали сухопутную границу, а японские

самолёты 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР. Советская территория нередко подвергалась обстрелу, совершались другие враждебные акты. Это были целенаправленные провокационные действия. Подтверждением является данное японским генштабом летом 1941 года обещание германскому командованию “проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоу-Го, в первую очередь, в районе, прилегающем к озеру Байкал”.

По материалам Токийского трибунала, с июня 1941-го по 1945 год японский флот незаконно задержал 178 и потопил 18 торговых советских судов, нанеся убытки на сумму 637 млн рублей.

Тщательно подготовленное нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана “молниеносной войны” и сохранения надёжной обороноспособности Красной армии в восточных районах страны. Тем не менее милитаристская Япония как ближайший военный союзник нацистской Германии предпринимала разнообразные враждебные действия против нашей страны. Не будь сознательно нагнетавшейся угрозы японского нападения, советские дальневосточные дивизии могли быть использованы на советско-германском фронте, что значительно сократило бы продолжительность войны и человеческие жертвы нашего народа. И тут ответственность Японии очевидна.

То же самое было и на южных границах, на кавказско-черноморском операционном направлении.

Осенью 1941 года Турция перебросила на границу с СССР 24 дивизии, что заставило Сталина усилить Закавказский военный округ 25 дивизиями, которые явно были не лишними на советско-германском фронте, учитывая положение дел на тот период.

А летом 1942 года, когда Германия наступала на Сталинград и Кавказ, Турция провела мобилизацию и перебросила 750-тысячную армию к советской границе. И при этом турки твердят по сей день, что они держали нейтралитет.

Всё, перечисленное выше, повлияло на ситуацию, сложившуюся в начальный период гитлеровского нашествия.